

Семён Перевалов шёл по светлому лугу. Во круг цвели белоснежные ромашки, и от них тянул ледяной ветер. Ослепительное солнце выхолаживало всё кругом, сковывало руки и ноги, от этого становилось тяжело идти. Ноги топтались на месте, будто пробуксовывали.

Справа на лугу каплями начали расцветать красные, как кровь, маки. Они стали перебегать с места на место. Чем ближе подбегали они к Семёну, тем больше и кустистее становились. Хотелось бежать от назойливых цветов, но ватные ноги не отрывались от земли.

Совсем рядом громадный алый мак с треском распустил лепестки, вцепился в тело колючими листьями, превратившись в чертополох. Хотелось кричать – кричал, не слыша своего голоса.

Тёплые мягкие руки оторвали колючки от тела. Это мама. Семён совсем не помнил её лица, только руки, хотя, когда она померла, ему исполнилось двенадцать лет.

«Сеня», – позвала мама. Голос становился всё грубее и скрипучее.

– Сеня, Семён, – тряс за плечо Тихон Тишаков, дорогой друг и боевой товарищ.

Сон медленно рассеивался, и сознание нехотя возвращалось со светлого алтайского луга в промозглость окопа под Грозным. Хотел оттолкнуть руки товарища, не смог. Руки и ноги оказались скованными так, будто на них кандалы надели.

– Не рыпайся сильно, – тянуче сказал Тихон, – ночью дождь моросил, как ты пришёл. Вот

а теперь морозец прихватил шинелку. Так что ты сиди, а я по тебе постучу.

– Лучше ты по нему потопчись, – пробурчал Поликарпыч, – молодость, как дурость, ни о чём не думает. Расея – это тебе не Сибирь, здесь и в феврале, как у нас осенью: дождь идёт да следом за собой мороз ведёт. Вот ты завалился мокрый спать, тебя и скукожило. Да не дёргайся сильно, а то галифе сломаешь.

– Нашему Семёну галифе сломать что до девки сбежать, – загоготал Данило Питерский.

Перевалов совсем проснулся, понял, что вся его амуниция закована морозом в ледяные латы. Пехота вокруг уже готова была потешиться над бессильем человека в морозном панцире.

– Э-э-х! – Семён подпрыгнул на месте. Как сидел скрученный да спелёнатый, так и подпрыгнул, ну тебе лягушонок на болоте.

– Эн-ка, друг мой Тишаня, поддержи-ка винтовочку да гляди прицел не сбей, а то беда будет.

– Ну и кака така беда прилетит от винтовочки? Солдаты в окопе подняли головы, что-то ещё выкамурит этот баламут Семён.

Молодой, высокий и очень худой солдат в смёрзшейся шинели подпрыгнул ещё раз, но упал на бок – ни шинель, ни галифе не хотели распрямляться. Поднялся на четвереньки и безразлично сказал:

– Собыёшь прицел у винтовки, а она и обидится. Вместо того чтобы по фрицам стрелять, начнёт пулять по Тихону Тишакову.

– Врёшь... – недоверчиво пробормотал дружок, но винтовку бережно взял на руки, как берут дитё.

– Да ему соврать – недорого взять, – хмыкнул Поликарпыч. – Вон Сидорчукин до сих пор котелок носит на верёвке спереди, чтобы вражины не отстрелили его мужскую честь.

– И ничё не ношу, – быстро замигал глазами Сидорчукин, нервно щипая рыжие брови, – он сам туда сползат...

– Эн-ка, камрады, – снова подпрыгнул на короточка Перевалов, – расступись, дайте поджогать.

– Никто тебе и не застит свет, – моргал белёсыми веками Сидорчукин, – только куды уж боле тебе дрожать. Поди весь прикоченел.

– Вот рязанский, ты и есть рязанский, – Семён прыжками разминал ледяные оковы, – разве не знаешь, что в этом деле главное – крепко дрожать, лёд сам рассыпается, как фрицы от вида «тридцатьчетвёрок».

Солдат плюхнулся на землю и давай по ней кататься да подпрыгивать. Тишаков в это время молча сидел, прислонившись к брустверу и нежно прижимая к себе винтовку. Он с интересом наблюдал за действиями друга.

Минут через пять шинель и галифе высвободились из ледового плена и Семён смог распрямиться.

– Эх, братцы, – с наслаждением потянулся Перевалов, – сейчас бы хорошего борща да под бок тёплую бабочку. Слушай, Сидорчукин, тебе какие больше нравятся: белые или чёрные?

– Тебе-то до этого како дело?

– Мне кажется, что у нас с тобой вкусы совпадают.

– И чё?

– Да вот боюсь, что медсестричка Катя не может придумать, за кого ей замуж пойти. Когда на меня смотрит, а когда все глаза отмозолит об тебя. Но на тебя с такой лаской глядит, что я прям обзавидовался.

Сидорчукин пошмыгал веснушчатым носом, недоверчиво посмотрел на Перевалова, потом стал выглядывать из окопа в сторону блиндажа для медсестёр. Поликарпыч отвернулся от молодых солдат, вынул из кармана гимнастёрки аккуратно сложенную газету, оторвал от неё ровный прямоугольник, медленно достал кисет, выщипнул из него ароматной махорки и с наслаждением начал скручивать сигарку. Потромбовал табак пальцем, языком провёл по краю бумаги и ещё раз подкрутил, склеивая. Чиркнул спичкой по краю коробка и, пряча огонёк в плотную горсть, закурил.

– Что ж ты, Поликарпыч, друзей махорочкой не угостишь? – усмехнулся Перевалов.

– Таких друзей моя бабка продавала в базарный день по пятаку за пучок.

– Дёшево же ты дружбу держишь, – посе-рёзнул солдат и, повернувшись к пехоте, командным голосом сказал: – Отныне Поликарпыча окликать торжественно и по фамилии. У рядового Пузынькова нет среди вас друзей.

– Ты, Семён, здесь человек временный, – сердито обернулся Поликарпыч, – сходил на позиции, пострелял и отбыл, а нам здесь вместе в атаку идти. Не баламуть народ.

– Есть, товарищ Пузыньков! – отдал ему честь Перевалов, потом вдруг запел частушки и пошёл вприсядку по окопу.

*Сапоги мои худые,
Больше нету никаких.
Блохи прыгали по пузу,
Я поплёвывал на них.*

Сплюнул в сердцах Поликарпыч, ткнул самокрутку ближайшему солдату и, согнувшись, пошёл в другой конец окопа, бурча: «Ну всё, попал на язык трепачу, теперь пока не перемелет».

Со стороны вражеских окопов начался ежедневный артобстрел.

75 – По немцу сверять часы можно, – говорили солдаты, прижимаясь к глиняному борту.

– А что, оне позавтракали, – ехидно заговорил невысокий кряжистый мужик, – а до нас никак полевая кухня доехать не может, всё ждут, когда нас фрицы снарядами «накормят». Глядишь, и едоков станет меньше.

– Ты, Глебов, меньше трепли языком, пока свои не «накормили», а то и в бой не успеешь сходить, как за шею притянут.

– Окопная жизнь, – довольно протянул Семён, – она для пехоты самая красивая. И что в ней самое главное?

– Чтобы артобстрелов было поменьше, – проговорил Сидорчукин, всё пытаясь разглядеть медсанчасть.

– Короткий ты человек. Главное, не высовывайся, чтобы немец тебя не увидел.

– Да он чуть выше винтовки, – захохотал Данило Питерский, – где уж немцу его увидеть.

– Почему это меня не увидит немец, позиции-то недалеко, вон даже их песни слышать, – обиделся Сидорчукин.

– Если тебя увидят враги, у них прицелы сразу собьются и сразу атака начнется.

– Это почему?

– Наблюдатели ослепнут от цвета твоих волос.

Сидорчукин отвернулся под хохот бойцов.

Снаряды стали ложиться гуще и чаще.

Из-за бруствера послышался голос повара Николая Матвеевича:

– Мужики, я завтрак привёз, принимай.

– Ты бы его ещё ночью привёз, – беззлобно ругались бойцы, принимая термосы с кашей.

Но открыть термосы не было никакой возможности, комья земли сыпались так густо, что даже Семён и тот рта не раскрывал.

– Да за конину их в перехлест! – заругался вдруг Перевалов. – Мне скоро на позицию выдвигаться, я что, голодный идти должен?!

– А ты попроси фрицев, пусть перестанут стрелять, – отомстил Сидорчукин обидчику.

– Вот ведь есть в тебе мысли, – обрадованно хлопнул бойца Семён.

Он приподнялся немного, чтобы только немного видеть вражеские позиции. Сложил руки рупором и что есть мочи закричал: «Фриц, а фриц, кончай стрелять, дай позавтракать!». Помолчал и снова крикнул: «Дай позавтракать!».

На немецких позициях наступила тишина и оттуда послышалось: «Латно, савтракай».

Ровно через полчаса вражеская артиллерия снова начала обработку местности. Снаряды ложились кучно перед окопами, не задевая боевое расположение. Особенно тщательно обрабатывали небольшой лесок на нейтральной полосе.

– Перевалов, опять народ баламутишь, – из хода сообщения появился старшина.

– Никак нет, обучаю новичков премудростям окопной войны.

– А зачем с немцами говорил? Там уж политику доложили.

– Кушать очень хотелось.

– Кому другому уж давно бы голову отвернули, – хлопнул по плечу старшина, – тебя пока милуют, больно зоркий ты.

– Так мы, алтайские, двужилые, так ведь, Тишаня? – окликнул Перевалов своего друга.

– Хитрый ты, Семён, вовремя с позиции ушёл. Я-то думал, что ты струхнул. А немец-то по тебе долбит целый день, ишь, всю полосу перепахал.

– Ты, старшина, думай меньше. Как начнёт стихать обстрел, пошуми на левом фланге, чтобы я мог уйти.

– Капитан не велел тебе сегодня ходить.

– Может, и не надо ходить, а надо. Я там вчера заметил – стёклышко взблёскивает. Уж не снайпера ли фрицы себе завели. Хочу приглядеться.

Семён проводил взглядом старшину, надел маскхалат и начал разворачивать винтовку.

Тихон протянул другу варежки:

– Свои-то ты потерял, а эти из посылки. Тёплые-тёплые. А то тебе сидеть из долго.

– Ладно, бывай, – ткнул его в плечо Перевалов, – постараюсь не потерять. Да гляди не высовывайся, а то шальную словишь, что я твоим скажу?

– Сам потише, – засопел Тихон.

...Уже сидя среди ветвей старой сломанной берёзы, Семён передёрнул плечами, как-то Тихон сегодня проводил его не так: «Не высовывался бы он лишний раз, глупо в обороне погибать».

Обжил место, приладил винтовку. Эту берёзку снайпер Семён Перевалов облюбывал давно, но всё берёг для особого случая. Дерево старое, корявое, с изогнутым стволом. Ветви толстые, обломанные, так что есть где расположиться.

Особый случай подоспел. В немецких окопах появилось не только движение, но и офицерских фуражек стало много, да и стёклышко взблеснувшее его тревожило.

Если бы с той стороны выбирать позицию ему, то он бы выбрал разваленный сарай за дорогой или разбитые «тигры» на холме...

Семён в прицел медленно осматривал немецкие позиции, местность вокруг них. Ведь видел же он то стёклышко, и это не было случайностью.

Медленно шли часы, но уйти с позиции можно было только ночью. Промозгло крепчал мороз. Вроде бы и не холодно, а сырость да ветер до костей пробирали. «Н-да, Расея...»

Короткий февральский день собирался на закат. Перевалов уже совсем потерял надежду на то, чтобы обнаружить вражеского снайпера. Притулился к белому стволу, чтобы дожидаться темноты. Вспоминая свою дневную выходку, усмехнулся: «Видно, не все немцы фашисты, есть среди них и люди. И чего они сюда пришли?»

Семён скользнул взглядом по полю и краем глаза увидел, как на чердаке сарая блеснуло стекло. Сомнений не было – снайпер.

Снять снайпера было делом техники, и Семён начал собираться. Надо было срочно менять позицию, рассчитывать на то, что его не вычислят, нельзя. Больно много он насыпал перцу на хвост фрицам.

Напоследок глянул в прицел, провёл по окопам...

За бруствером шёл немецкий офицер. Лощёный, в чистенькой одежке. Тросточкой помахивает. Оглянулся, словно в душу Семёну поглядел. В голове пронеслись виды сожжённого села, груды наваленные тела пострелянных баб и ребятишек. Кровь прилила к сердцу, стало трудно дышать.

– Ах ты гада в кочерыжку, и такая мразь по земле ходит...

Палец сам нажал на спусковой крючок. Офицер вздрогнул, по лбу побежал красный ручеёк... Алтайский паренёк, словно замороженный, смотрел в прицел, он ждал, когда враг упадёт.

Очнулся от наваждения, только когда услышал первый разрыв снаряда. Артиллерия была по леску, по его берёзе. Хотел спрыгнуть, но рядом расцвёл огненный мак...

По хлебному полю шли навстречу мужчина и женщина. Семён уже мог различать их лица: это были его родители. Семён узнал и мать, и отца, хотя понимал, что никогда не видел отца, тот помер за три месяца до его рождения. А тут идут к нему, а видеть не видят.

Мать только голову повернула да сказала: «Не срок тебе».

...От этих слов боль резанула по голове, ухватилась цепкими, жадными лапами за тело и начала скручивать его. Перед глазами стояла тьма. Попробовал вырваться из липких объятий, но пошевеливаться не смог.

«Товарищ военврач, – донёсся до слуха тоненький девичий голосок, – боец в себя приходит».

Через силу открыл левый глаз. В щель меж веками вкатился в душу свет от белого зимнего дня, что расстился за окном полевого госпиталя. Чья-то седая голова закрыла свет. «Уйди», – хотел сказать Семён, но губы не разжались.

– Уже хорошо, – сказал мужской голос, – раз пришёл в себя, может быть, и выживет.

Сознание то растворяло мир, то возвращало его снова. Боли не становилось меньше. Появилось беспокойство: как там друг Тишаня, началось ли наступление или всё ещё часть в обороне сидит? Хотелось побыстрее снова на передовую, к своим ребятам, но для этого надо было победить боль.

Очнулся как-то обыденно, словно проснулся дома поутру. Рядом с ним хлопотала курносая девчушка.

– Тебя как зовут? – спросил её Перевалов.

– Нина.

– Сильно меня побил?

– Сильно, – обречённо вздохнула медсестра, – вон товарищ военврач собирает тебе ногу и руку ампутировать. Гангрены боится.

– Пусть и не думает даже меня резать, – хотел приподняться боец, но боль свалила его на кровать, пересиливая её, добавил: – Не дам.

– Ишь, какой прыткий, – подошёл мужчина в белом с ржавыми пятнами халате, – не успел прийти в себя, а уж командует.

– Товарищ военврач, оставь меня как есть, – прохрипел Семён, – заживёт как на собаке, я же алтайский, двужильный.

– Гангрены боюсь.

– Мы же мужики, чего же мы бабёнки испугаемся?

– Какой бабёнки? – не понял врач.

– Да гангрены твоей.

Хирург устало рассмеялся:

– Ну, раз шутить вздумал, значит, точно выживешь, а вот оперировать всё равно надо. В тебе столько железа, что на целый самолёт хватит. Вынимать надо.

...Придя в себя после операции, Семён прежде всего попробовал пошевелить руками и ногами. С удовлетворением отметил, что все части тела в наличии.

– Ну, герой, – подошёл к нему военврач, высыпал на стол кучу осколков, – ты в двух рубашках родился. Эти вот я смог достать, остальные – побоялся. Особенно из головы опасно трогать.

– Мне лишь бы... к своим ребятам вернуться... Там друг Тишка... Вместе выросли... Вместе воюем...

Говорить было трудно, но бойцу хотелось объяснить доктору, что он не намерен долго прохлаждаться в госпитале.

Военврач похлопал его по здоровой левой руке и горько усмехнулся:

– Твоя война уже закончилась. К вечеру будет транспорт, отправим в тыловой госпиталь. Глядишь, сколько-нибудь проживёшь с божьей помощью. Ты парень красивый, хоть и увечный, так что бабы прокормят.

И остался снайпер Перевалов с божьей помощью в этой жизни. Он создал семью, где выросло четверо детей. Сделал всё, чтобы его дети не остались сиротами, как он, а получили образование. Работал не покладая рук, за бабы спины не прятался, ранами своими не кичился, неправых правил, бывало и по-мужски, если слов не понимали. Дождался Семён Петрович не только внуков, но и правнуков. В возрасте 92 лет встречал 65-летие Великой Победы. Пережил свое 93-летие на два месяца.

О своей судьбе он говорил: «Врагов наших целый пульман наберётся, и все они повылетали, как пробки, а я, Семёнушка, здесь родился, всегда был тут в этой жизни и всегда буду».